

На днях в Москве начнутся гастроли Национального театра Великобритании. Труппа покажет москвичам спектакли «Отелло» Шекспира, «Любовь за любовь» У. Конгрива, «Выбор без выбора» Г. Бригхауса.

По нашей просьбе АПН поручило английской журналистке Беатрис Хэммерлинг взять для «Литературной газеты» интервью у руководителя Национального театра Лоуренса Оливье.

«ОЛИВЬЕ никогда не дает интервью», — сказали мне.

Тем не менее он согласился встретиться со мной и дать интервью для «Литературной газеты».

— В наши дни, — сказал мне сэр Лоуренс, — люди разучились слушать. Они настроены на другую волну. Они огульны радио и уличным движением и привыкли жить в шуме и грохоте.

Когда мы играли в Перте, в Австралии, нам твердили: «Только во втором действии вы начали говорить так, что было слышно!» А на самом деле лишь со второго действия зрители начали по-настоящему слушать! Дело в том, что глаза заменяют теперь людям уши. Сэр Генри Ирвинг (прославленный английский актер. — Ред.) был бы ослеплен той осветительной батареей, которую мы используем для «Гамлета».

Для сэра Лоуренса не существует проблемы «кино или театр». Единственная его большая любовь — театр: «Я чувствую, что живу по-настоящему только тогда, когда играю. Кино же, главным образом, — сфера деятельности режиссера. Я люблю работу постановщика и режиссера и думаю, что у кинематографа большое будущее, но когда я сам играю в кино, я не испытываю особой радости».

И все-таки Оливье (друзья зовут его Ларри) настойчиво советует всем актерам поработать во всех трех видах искусства: в театре, в кино и на телевидении. Правда, говоря о последнем, он делает гримасу — потому, быть может, что телевизионные выступления не доставляли ни радости, ни успеха, — и произносит сквозь зубы: «Раз уж оно есть!» Телевидение, признает сэр Оливье, открывает большие возможности для постановки приключенческих фильмов, «но для серьезных пьес и фильмов оно не годится». Во всяком случае, театр и кино должны быть в наше время очень сильными, чтобы выдержать конкуренцию с телевидением: «Людам не хочется выходить из дому, а надо, чтобы захотелось».

Напомню, что Оливье и Орсон Уэллс первыми из английских актеров-режиссеров предприняли серьезные попытки в области экранизации Шекспира. «Генрих V» Оливье, по мнению многих, — знаменательная веха в истории английского кино. Кстати, Оливье очень гордится изобретенным им актерско-режиссерским приемом. Поскольку патетические эпизоды, большие шекспировские монологи неудобны для съемки крупным планом, Оливье снимается крупным планом лишь в незначительные моменты. По мере того как монолог развивается, становится все эпичнее, темпераментнее и торжественнее, камера отходит все дальше и выше, и актер уже не испытывает смущения от того, что фиксируется каждое движение его лицевых мускулов.

Мой собеседник с удовольствием вспоминает дни, когда в Лондоне показывали русского «Гамлета»...

Речь заходит о мастерстве актера. «Только сочетая различные театральные формы, актеры могут совершенствовать свое искусство», — говорит Оливье. — Каждая прибав-

ляет что-то к сценическому опыту, в каждой можно чему-то научиться». Актеру следует выступать перед большой аудиторией, но размеры ее должны быть где-то в пределах здравого смысла. «Следует отказаться от некоторых зданий, в которых прежде помещались оперные театры, а теперь играют драматические труппы. Есть такое здание в Манчестере и еще одно в Глазго — зал вмещает 3 000 человек. Когда я недавно играл там, то чувствовал себя крохотной почтовой маркой: большей части зрительного зала не видно и не слышно. Какой уж тут контакт с аудиторией!»

Сэр Лоуренс хочет дать актерам несколько советов, — в свои 58 лет он чувствует, что имеет на это право. Актеры, говорит он, должны непрерывно следить за собой, не упуская из вида и те свои качества, в которых они как будто могут быть уверены. «Легче добраться до вершины, чем остаться на ней, — и даже добраться до нее тоже нелегко. Другая опасность: присущее большей части актеров стремление вернуть что-то утраченное. Ностальгия — один из самых сильных импульсов человеческой природы. Это качество, присутствуя в соответствующих пределах, придает игре особую глубину и трепетность. Однако не давайте ему захватить власть над собой. Пропорции должны быть соблюдены. В здоровом и жизнеспособном искусстве всегда есть живое ощущение настоящего и будущего».

Оливье вспоминает некоторые сыгранные им в прошлом роли: Тита Андроника — человека, неимоверная былая мощь которого проступает в глубокой усталости, охватывающей его в преклонные годы, свою раннюю роль — молодого учителя-идеалиста в пьесе К. Уинтера «Норвежские крысы». Он помнит ее очень хорошо еще и потому, что ездил с этой ролью в Америку. Кстати, там ему довелось играть с Гретой Гарбо в «Королеве Кристине». «В то время, — говорит он, — я еще не сформировался как киноактер, и Гарбо была совершенно справедливо мной недовольна».

Я спросила Оливье, какие из своих ролей он любит больше всего, ожидая услышать — Отелло или Гамлета. Оказалось, ни то и ни другое. После долгого размышления он сказал: Астрова в «Дяде Ване» и Арчи Райса в «Комедианте» Осборна.

Оливье оживает, когда разговор заходит о Национальном театре. Совершенно ясно, что тут — вся его жизнь. Когда он стал директором и руководителем Национального театра (этот титул присвоен театру Олд Вик), исполнилась его самая заветная мечта. «Работа в Национальном театре волнует и увлекает меня. Цель нашего театра — с наивозможнейшей верностью воплощать пьесу. Эта задача представляется мне настолько захватывающей, что я отдаю ей все свое время, все свои мысли, все свои надежды и стремления. У меня нет далеко идущих планов или разработанных методов. Я, как пловец, который преодолевает Ла-Манш, борюсь против надвигающейся на меня волны».

Оливье совершенно согласен с тем, что новая эра для драмы и кино началась с приходом в литературу и театр новых талантов. Оливье думает, что не случайно столько современных пьес написано в двух актах. «Жизнь, — говорит Оливье, — когда-то была полна «третьих актов», в которых все приходило к благополучному завершению и развязке. Теперь этого нет. Ничего не решается, нет благополучного конца.

Теперь уже нельзя отправлять людей домой, благополучно решив за них все их проблемы: если вы попытаетесь это сделать, люди вам не поверят». Очевидно, скоро наступит время, когда будут писать одни активные пьесы — просто постановка вопроса, который остается без ответа. Однако Оливье считает нужным добавить, что сам он верит в возможность перемен к лучшему: «Нынешний пессимизм, на мой взгляд, не может продолжаться бесконечно». Оливье высказывает глубокую убежденность в правомерности влияния театра и кино на

современную жизнь. «Искусство должно будить мысль. Ведь, по существу, именно театр и придает идеям блеск и привлекательность».

Оливье говорит, что работа в Национальном театре помогает ему укрепить ощущение настоящего и будущего. «Мы хотим сочетать лучшие пьесы классического репертуара с современными произведениями, мы не хотим превращать театр в музей. Меня всегда увлекало все новое в области формы и техники. Однако в стиль ради стиля я не верю. Думаю, что не должно быть и так называемого стиля Национального театра. Узнавать нас должны только по высокому мастерству игры и постановки».

Оливье радуется то, что театр впервые выезжает за границу на гастроли, особенно в СССР.

Национальный театр будет первым, кто посетит Советский Союз в соответствии с недавно заключенным соглашением о культурном обмене между нашими странами. Советское правительство предоставило труппе помещение Кремлевского театра.

Как это всегда бывает с людьми, полностью посвятившими себя своему делу, Оливье живет чрезвычайно насыщенно, дни его заполнены до отказа, и он успевает сделать удивительно много. Он одержим работой, и его надо заставлять давать себе хоть какую-то передышку.

Он живет в Брайтоне, на берегу моря, с женой — актрисой Джоан Плурайт — и двумя маленькими сыновьями Тэмсином и Ричардом, двух и трех лет, которых он обожает. Первый час каждого утра посвящен детям, и это нерушимо. Затем он поездом едет в город, читая в дороге пьесы, остаток утра проводит в кабинете в Олд Вик, где занимается различными делами. После полудня — репетиции или занятия голосом. Иногда он играет в дневных спектаклях. Оливье сказал мне, что он даже предпочитает дневные спектакли вечерним: «Я чувствую себя свежее, и публика мне нравится». Вечера, конечно, обычно проводятся в театре, хотя он и не всегда занят на сцене.

Лоуренс Оливье в роли Отелло.